

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В.А Батырь,

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье с использованием метода морфологического анализа международно-правовой охраны отдельных территориальных объектов в период вооруженных конфликтов установлены четыре группы объектов, а именно: охраняемые договорными нормами МГП как гражданские объекты в районе боевых действий, т. е. объекты, которые не могут быть военными целями и не используются в военных целях; создаваемые вне района боевых действий, получающие охрану посредством одностороннего уведомления противника другой стороной вооруженного конфликта; специальные зоны, местности, районы как места укрытия жертв вооруженных конфликтов от нападения, создаваемые в районе боевых действий и получающие охрану в соответствии со специальными соглашениями между сторонами вооруженного конфликта; создаваемые по решению международных межправительственных организаций или государств-гарантов в районе боевых действий. Выявлены присущие каждому из входящих в соответствующую группу объектов защитные свойства. На этой основе предложена конструкция морфологической таблицы объектов, что позволило в исследовательских целях представить форму описания решений, связанных с применением вооруженного насилия. Констатировано существование 14 субинститутов в рамках общего института охраны гражданских объектов в период вооруженных конфликтов, в том числе сделан вывод о самостоятельности института охраны культурных ценностей в рамках «системы Гаагской конвенции 1954 г.». Отмечены две тенденции развития международного гуманитарного права в рассматриваемой области, на основе чего сделаны выводы о бесперспективности вменения государствам новых обязательств по заключению соглашений об учреждении зон, находящихся под защитой; о важности криминализации нападений на лагеря военнопленных и др.; об обозначении ряда объектов отличительными знаками.

Пространственная сфера (*ratione loci*) действия норм международного гуманитарного права (далее также – МГП) распространяется на находящиеся на театре военных действий отдельные территориальные объекты, контекстуально воспринимаемые как часть окружающей среды, – здания, соору-

жения, отдельные участки местности и т. д., проблемы международно-правовой охраны которых в период ведения боевых действий подлежат беспристрастному анализу. Сложность и динамичность вооруженной борьбы требует комплексного, системного подхода к установлению возможных пространствен-

ных пределов применения вооруженного насилия, поскольку представляет собой в ряде случаев слабо структурированные процессы, когда имеет место неопределенность или отсутствие достаточной информации о системе охраны отдельных объектов. К сожалению, в российской доктрине международного гуманитарного права указанной проблеме уделяется неоправданно мало внимания (за исключением проблематики охраны культурных ценностей¹), хотя практически во всех учебных изданиях, посвященных МГП, кратко излагаются вопросы защиты гражданских объектов². В зарубежной доктрине на монографическом уровне наиболее глубоко и предметно указанные проблемы исследованы в трудах Э. Давида³, Ф. Буньона⁴ и др.⁵

* * *

Международное гуманитарное право проводит четкое разграничение объект-

ной сферы военных действий⁶. Так, ст. 2 Гаагской конвенции о бомбардировании морскими силами во время войны (1907) и ст.ст. 43 и 52 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (далее соответственно – ДП I, ЖК) установлено, что военными объектами являются: а) вооруженные силы, кроме военно-медицинских служб и военного духовного персонала и их имущества; б) учреждения, постройки и позиции, где дислоцируются вооруженные формирования и их имущество (например, казармы, склады); в) другие объекты, в силу своего расположения и назначения эффективно используемые в военных действиях, полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дают противнику определенное военное преимущество⁷.

В 1956 г. Международный Комитет Красного Креста (МККК) составил вместе с военными экспертами список объектов, которые обычно рассматриваются как военные, в частности: оснащение, используемое вооруженными силами; позиции, которые они занимают; министерские службы, курирующие вооруженные силы; склады горючего и автотехники; линии и средства связи и телекоммуникаций; военная промышленность, металлургия, машиностроение и химия⁸. Эти объекты должны приносить

¹ *Богуславский М.М.* Международная охрана культурных ценностей. М., 1979. 192 с.; *Его же.* Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 416 с.; *Нешатаева В.О.* Культурные ценности. Цена и право. М., 2013. 118 с.; *Приданов С.А., Щерба С.П.* Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. М., 2002. 514 с.; *Хазов Е.Н., Хазова В.Е.* Международно-правовая защита национально-культурного достоинства народов. М., 2009. 155 с.

² См., напр.: *Международное гуманитарное право: учеб. / под ред. И.И. Котлярова.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 271 с.; *Котляров И.И., Ходжабегова К.Л.* Международное гуманитарное право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. 143 с.

³ *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. М., 2011. 1144 с.

⁴ *Буньон Ф.* Международный Комитет Красного Креста и защита жертв войны. М., 2005. 1615 с.

⁵ *Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л.* Обычное международное гуманитарное право. Нормы. М., 2006. 775 с., нормы 7 – 10, 29, 32, 33, 35-37, 38 – 41, 42, 43 – 45. В дальнейшем ссылки на указанную работу будут обозначаться как «ОМГП». См. также: Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [сб.; пер. с англ. и фр.]. Междунар. журн. Красного Креста. № 854, июнь, 2004. М., 176 с.; *Томан Д.* Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: коммент. к Конвенции о защите культур. ценностей в случае вооруж. конфликта и Протоколу к ней, подписан. 14 мая 1954 г. в Гааге, и к другим междунар.-правовым актам, относящимся к такой защите: [пер.]. М., 2005. 542 с.

⁶ Принцип ограничения по объектам является одним из старейших в МГП и изначально развивался как обобщенная идея, ограничивающая воюющих в выборе средств и методов ведения войны, а затем, по мере прогрессивного развития МГП, стал приобретать новые аспекты, направленные прежде всего на усиление защиты гражданского населения (*Калугин В.Ю.* Курс международного гуманитарного права. Минск, 2006. С. 133 – 134).

⁷ ОМГП, норма 8 (*Сассоли М.* Законные цели нападения в международном гуманитарном праве. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-attacks-230104.htm> (дата обращения: 20.06.2023).

⁸ Это положение соответствует запрету «истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызыва-

военное преимущество. Однако оно должно быть оправдано военной необходимостью. Вовсе не обязательно разрушать военный объект, если достаточно им овладеть или его нейтрализовать. Военные объекты должны отвечать двум критериям, которые будут одновременно присутствовать в каждом конкретном случае при определении возможности совершения нападения: 1) их расположение, характер, использование или назначение вносят эффективный вклад в военные действия⁹; 2) их разрушение, захват или нейтрализация дают явное военное преимущество¹⁰. Уничтожение объекта как самоцель является нарушением МГП.

Как нами отмечалось ранее, международно-правовая охрана отдельных территориальных объектов в период вооруженных конфликтов образует собой сложный (комплексный) отраслевой институт МГП¹¹, который включает в себя более дробные структурные образования – субинституты, определяющие правовые режимы соответствующих объектов, относимых к гражданским¹².

Общепризнанным является тезис о том, что гражданскими объектами являются все те, которые не являются военными¹³, т. е.

ется военной необходимостью», сформулированному в п. «ж» ст. 23 Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.

⁹ Этот критерий является классическим. Так, было определено, что танкер, использовавшийся во время Первой мировой войны исключительно для снабжения топливом вооруженных сил, можно рассматривать как «военное снаряжение» (Давид Э. Указ. соч. С. 208).

¹⁰ Такой подход запрещает превентивное разрушение, т. е. пока тот или иной объект не вносит эффективного вклада в военные действия, уничтожать его в принципе нельзя.

¹¹ Батырь В.А. Интегративные признаки системы международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 12. С. 13 – 23.

¹² В дальнейшем будут рассмотрены 14 субинституты в рамках общего института охраны гражданских объектов в период вооруженных конфликтов, с учетом самостоятельности института охраны культурных ценностей в рамках «системы Гаагской конвенции 1954 г.», а также формирующийся субинститут безопасных зон, относимый к праву международной безопасности.

¹³ ОМГП, норма 9.

они определяются через отрицание. Вместе с тем, в ст. 52 ДП I отмечается, что объекты, обычно являющиеся гражданскими, могут в зависимости от конкретной военной обстановки стать военными объектами (например, жилой дом или мост, тактически используемые обороняющейся стороной и ставшие поэтому военной целью для атакующей стороны)¹⁴. При организации боя обязанность командиров состоит в том, чтобы удостовериться, что объекты нападения не являются гражданскими¹⁵ и не подлежат международно-правовой охране, принять все практически возможные меры предосторожности¹⁶ при выборе средств и методов нападения с тем, чтобы избежать случайных потерь среди гражданского населения и гражданских объектов, сделать эффективное заблаговременное предупреждение о нападении¹⁷, затрагивающем гражданское население, за исключением случаев, когда обстоятельства не позволяют этого сделать (принцип проведения различия)¹⁸. Если же станет ясно, что объект не является военным, нападение отменяется или приостанавливается (ст. 51, подп. «b» п. 2 ст. 57 ДП I). Такая широкая трактовка, оставляя воюющим сторонам возможность выбора, налагает на комбатантов определенную ответственность за соответствие требованиям МГП их действий по идентификации конкретного объекта как военного либо гражданского и принятие решения о нападении. В случае когда не установлено, является ли объект, обычно используемый для гражданских целей (например, место отправления культа, жилой дом, школа или иные постройки), военным, следует считать его гражданским. Но воен-

---

¹⁴ ОМГП, норма 10.

¹⁵ ОМГП, норма 16.

¹⁶ ОМГП, нормы 15, 22.

¹⁷ ОМГП, норма 20.

¹⁸ ОМГП, норма 7.

ный объект остается таковым, даже если на нем находятся гражданские лица, разделяющие опасности, которым он подвергается. Квалификация умышленных нападений на гражданские объекты как военных преступлений предусмотрена подп. «б» п. 3 ст. 85 ДП I, подп. «б» (ii) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС.

Следует отметить, что мы не относим города в целом к объектам, подлежащим международно-правовой охране, однако разделяем озабоченность МККК существующими проблемами урбанизации конфликтов и применения оружия взрывного действия в населенных районах¹⁹, чему была посвящена ранее опубликованная нами работа²⁰.

Избранный нами подход к концептуализации проблемы международно-правовой охраны отдельных территориальных объектов в период вооруженных конфликтов связан с задействованием присущего естественным наукам потенциала морфологического анализа (от греч. *morphe* – форма, внешний вид) и представляет собой достаточно эффективный способ решения системных задач, требующих нетрадиционного, оригинального решения, основанного на экспертных оценках²¹. Он широко приме-

няется в различных областях человеческой деятельности²² и представляет собой один из эвристических методов решения задач на основе подбора морфологических признаков и последующем систематизированном получении сочетаний (комбинировании) существенных признаков исследуемых объектов. Свое наивысшее развитие метод получил благодаря работам советского ученого и практика В.М. Одрина²³, который в список областей применения метода включал: морфологическую классификацию правовых норм, морфологическую классификацию конфликтных военных ситуаций, а также использование морфологического подхода для стратегического и тактического планирования военных операций. Морфологическое исследование (или решение научной задачи морфологическим методом) можно определить как совокупность морфологического анализа и морфологического синтеза. Суть данного метода состоит в выявлении нескольких морфологических (типовых, видовых, отличительных) признаков (параметров), значимых для решаемой задачи, и составлении всех возможных сочетаний этих признаков²⁴.

ки (поэтому его название часто заменяют термином «метод Цвикки»), посредством которого он смог генерировать внушительное количество оригинальных решений для задач ракетостроения. Так, морфологическая матрица для реактивных двигателей, работающих на химическом топливе, построенная Ф. Цвикки, содержала 576 возможных вариантов решений. К эвристическим приемам в рамках указанного метода исследователи относят «метод систематического покрытия поля (поиска)», «метод отрицания и конструирования», «метод крайностей» и «метод сопоставления совершенного с дефектным» (Кишкан Н.А., Фирсова Е.В. Метод морфологического анализа при принятии управленческих решений. URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2017/37756.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).

²² Так, развитие метода сформировало отдельное его направление – Теорию Решения Изобретательских Задач (так называемый «ТРИЗ Г.С. Альтшуллера») (Альтов Г. Найти идею: введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. 4-е изд. М., 2011. 399 с.).

²³ Одрин В.М., Картавов С.С. Морфологический анализ систем. Построение морфологических таблиц. Киев, 1977. 148 с.

²⁴ Альтшуллер Г.С. Алгоритм изобретения. М., 1973. 296 с.; Буш Г.Я. Методологические основы научного управ-

¹⁹ Взгляды на проблемы соблюдения МГП, возникающие в связи с урбанизацией конфликтов, и некоторые правовые вопросы, которые могут потребовать дальнейшего разъяснения, МККК изложил в Докладе (Доклад МККК 2019 г. о МГП и вызовах современных вооруженных конфликтов. С. 16 – 20. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/93b008ef-d98a-542b-b414-3cedc667635a/content> (дата обращения: 20.06.2023).

В 2021 г. МККК опубликовал Руководство для командиров по сокращению ущерба гражданскому населению и гражданским объектам в ходе военных действий в городских условиях, в котором предлагается ряд рекомендаций по содержанию руководящих документов, подготовке и обучению, планированию и ведению военных действий в городах (URL: <https://shop.icrc.org/reducing-civilian-harm-in-urban-warfare-a-commander-s-handbook-html.html> (дата обращения: 20.06.2023).

²⁰ Батър В.А. Ведение боевых действий в городах: правовые аспекты // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 4. С. 12 – 27.

²¹ Метод морфологического анализа и синтеза был разработан в 30-х гг. XX в. швейцарским астрономом Ф. Цвик-

Содержательно указанный метод предполагает последовательное решение ряда задач, к которым относятся: а) формулирование проблемы, подлежащей решению (предмета и цели); б) выявление и характеристика параметров, входящих в решение (морфологических элементов объекта); в) конструирование морфологической таблицы («ящика» или «карты»), содержащей потенциал решений; г) формулирование определений основных используемых понятий; д) последовательное осуществление операций анализа и синтеза; е) выявление приемлемых и реализуемых решений проблемы.

В нашем случае проблема, подлежащая решению, может быть определена как преодоление фрагментарной охраны отдельных территориальных объектов в период вооруженных конфликтов, а цель (как желаемый результат) сформулирована как разработка непротиворечивой системы международно-правовой охраны объектов, соответствующей принципам МГП. Ожидаемые результаты определяются как получение описания системы и экспертная оценка потенциальной возможности совершенствования механизмов правового регулирования. Основной идеей морфологического анализа является упорядочение процесса выдвижения и рассмотрения различных вариантов решения задачи²⁵. Расчет строится на том, что в поле зрения могут попасть варианты, которые ранее не рассматривались.

Предварительное обобщение морфологических элементов территориальных объектов, находящихся под защитой от нападений, позволило выявить четыре группы,

---

ления изобретательством. Рига, 1974. 168 с.; *Жерардэн Л.* Морфологический анализ – метод творчества // Руководство по научно-техническому прогнозированию. М., 1977. С. 221 – 234; *Zwicky F.* Discovery, Invention, Research through the morphological Approach. N.Y., 1969. 265 p.

²⁵ *Иванов Г.И.* Формулы творчества, или как научиться изобретать: кн. для учащихся старших классов. М., 1994. 207 с.

выделив критерии дифференциации, в частности: 1) объекты, охраняемые договорными нормами МГП как гражданские объекты в районе боевых действий, т. е. объекты, которые не могут быть военными целями и не используются в военных целях; 2) объекты, создаваемые вне района боевых действий, получающие охрану посредством одностороннего уведомления противника другой стороной вооруженного конфликта; 3) объекты (специальные зоны, местности, районы²⁶) как места укрытия жертв вооруженных конфликтов от нападения, создаваемые в районе боевых действий и получающие охрану в соответствии со специальными соглашениями между сторонами вооруженного конфликта; 4) объекты, создаваемые по решению международных межправительственных организаций или государств-гарантов в районе боевых действий.

В отношении сущностных черт или свойств рассматриваемых объектов как собственно морфологических признаков, имеющих принципиальное значение для характеристики защитного статуса, следует указать их обозначение, квалификацию умышленных нападений на объект как военных преступлений, высокую степень опасности разрушения/уничтожения, а также потенциальную возможность отмены/утраты защитного статуса.

Последующий морфологический анализ основан на комбинаторике как систематическом исследовании всех теоретически возможных вариантов, которые выходят из закономерностей построения (морфологии) анализируемых объектов, и построении

---

²⁶ По мнению МККК, в этом контексте термин «местность» означает конкретное, четко ограниченное место, такое как здания или лагеря, а термин «зона» означает относительно большую территорию, которая может включать одну или несколько местностей (*Мельцер Н.* Международное гуманитарное право. Общий курс. М., 2017. С. 182).

морфологической таблицы как совокупности разделенных на свои значения классификационных признаков функциональных систем морфологического множества (своеобразное поисковое поле решения задачи).

Приведенная ниже морфологическая таблица (матрица) отражает символическую форму описания решений, связанных с применением вооруженного насилия, она дает представление о возможных вариан-

тах международно-правовой охраны территориальных объектов путем фиксации в каждой строке матрицы одного из результативных элементов («да» либо «нет»). Набор этих элементов образует возможный вариант решения исходной задачи. Рассматривая различные сочетания этих элементов, можно получить большое сочетание всевозможных вариантов решений, в том числе и самых неожиданных.

Морфологическая таблица объектов, подлежащих международно-правовой охране в период вооруженных конфликтов

Объект, находящийся под защитой от нападений	Свойства объекта (морфологические признаки)			
	обозначение	квалификация умышленных нападений на объект как военных преступлений	высокая степень опасности разрушения/уничтожения	возможность отмены / утраты защитного статуса
<i>1. Объекты, охраняемые договорными нормами МГП как гражданские объекты, т. е. объекты в районе боевых действий, которые не могут быть военными целями и не используются в военных целях</i>				
1.1. Военные и гражданские стационарные и мобильные медицинские объекты	да	да	да	да
1.2. Объекты гражданской обороны	да	да	да	нет
1.3. Установки и сооружения, содержащие опасные силы	да	да	да	нет
1.4. Объекты, необходимые для выживания гражданского населения	нет	да	да	нет
1.5. Окружающая среда	нет	да	да	нет
1.6. Культурные ценности	да	да	да	да
1.7. Места отправления культа	нет	да	да	нет
<i>2. Объекты, создаваемые вне района боевых действий, получающие охрану посредством одностороннего уведомления противника другой стороной вооруженного конфликта</i>				
2.1. Лагерь военнопленных	да	нет	нет	нет

2.2. Места интернирования покровительствуемых лиц	да	нет	нет	нет
3. Объекты (специальные зоны, местности, районы) как места укрытия жертв вооруженных конфликтов от нападения, создаваемые в районе боевых действий и получающие охрану в соответствии со специальными соглашениями между сторонами вооруженного конфликта				
3.1. Нейтрализованные зоны / территории	нет	нет	нет	нет
3.2. Санитарные зоны и местности	да	да	да	нет
3.3. Санитарные и безопасные зоны и местности	да	нет	да	нет
3.4. Осажденные или окруженные зоны	нет	нет	нет	да
3.5. Необороняемые местности	нет	да	да	да
3.6. Демилитаризованные зоны	нет	да	да	да
4. Объекты, создаваемые по решению международных межправительственных организаций или государств-гарантов в районе боевых действий				
4.1. Безопасные зоны	нет	нет	да	нет

Дальнейшее последовательное осуществление операций анализа и синтеза, равно как и формулирование определений основных используемых понятий, будет осуществляться применительно к выделенным группам объектов, находящихся под защитой от нападений.

К первой группе относятся территориальные объекты, охраняемые договорными нормами МГП как гражданские объекты, т. е. объекты в районе боевых действий, которые не могут быть военными целями и не используются в военных целях. Совокупности правовых норм, регулирующие их охрану, образуют шесть международно-правовых субинститутов, с учетом самостоятельности института охраны культурных ценностей в рамках «системы Гагской конвенции 1954 г.».

Не могут подвергаться нападению *стационарные и мобильные санитарные учреждения (подразделения)*: а) стационарные медицинские учреждения и мобильные медицинские формирования как военно-медицинской службы (ст. 19 ЖК I, ст. 23 ЖК II), так и гражданские (ст. 18

ЖК IV, ст. 13 ДП I)²⁷; б) военные и гражданские госпитальные суда при условии, что их статус доведен до сведения сторон, находящихся в конфликте, за 10 дней до использования судов (ст. 20 ЖК I, ст.ст. 22, 24, 25, 27 ЖК II, ст. 22 ДП I); в) военные и гражданские санитарные автомобили, поезда, суда и плавучие средства²⁸, летательные аппараты²⁹ (ст.ст. 35 – 37 ЖК I, ст.ст. 27, 38 – 40 ЖК II, ст.ст. 21, 22 ЖК IV, ст.ст. 21 – 30 ДП I)³⁰. Эти объекты получают правовую защиту, когда они обозначены отличительным знаком/эмблемой (красный крест, красный полумесяц или красный ромб на белом поле³¹). Возможная отмена защитного статуса предусмотрена ст. 21 ЖК I, ст. 34 ЖК II, п. 4 ст. 30 ДП I. Квалификация умышленных нападений на такие объекты как военных преступлений предусмотрена

²⁷ Покровительство может быть прекращено в случае, если они будут использованы для совершения действий, направленных против неприятеля, но после соответствующего предупреждения (ст. 21 ЖК I).

²⁸ Покровительство может быть прекращено (ст. 34 ЖК II).

²⁹ Летательный аппарат может быть задержан в случае нарушения правил-ограничений, установленных в ст. 28 ДП I (п. 4 ст. 30 ДП I).

³⁰ ОМГП, норма 29.

³¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы (Протокол III).

подп. «б» (ix) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС.

Объекты гражданской обороны, а именно здания/строения/убежища и материальная часть, не подлежат нападению (п. 3 ст. 62 ДП I). Они должны использовать отличительный знак в виде равностороннего треугольника синего цвета на оранжевом фоне (пп. 1 – 6 ст. 66 ДП I) и предназначены для оповещения, эвакуации, спасательных работ, борьбы с пожарами, предоставления убежищ и их устройства, помощи в сохранении объектов, существенно необходимых для выживания (п. «а» ст. 61 ДП I). Квалификация умышленных нападений на объекты гражданской обороны как военных преступлений предусмотрена п. 3 ст. 62 ДП I.

Запрещение нападения на *сооружения и установки, содержащие опасные силы* (плотины, дамбы, атомные электростанции, химические предприятия и т. д. – ст. 56 ДП I) не абсолютно, а зависит от характера этих объектов и последствий, к которым привело бы их разрушение³². Характер объектов может быть военным либо гражданским. Военные объекты (или гражданские объекты, расположенные вблизи военных) могут подвергаться нападению при соблюдении следующих условий: а) они используются для регулярной, существенной и непосредственной поддержки военных операций, и нападение является единственным реальным средством положить конец этой поддержке; б) если это не вызовет высвобождения опасных сил, а в случае их высвобождения оно не приведет к большим потерям среди гражданского населения³³. Гражданские объекты, содержащие

опасные силы, не должны подвергаться нападению³⁴. Объекты, содержащие опасные силы, обозначаются специальным знаком в виде группы из ярко-оранжевых кругов, расположенных на одной и той же оси (п. 7 ст. 56 ДП I, ст. 16 приложения I к Протоколу). Квалификация умышленных нападений на сооружения и установки, содержащие опасные силы, как военных преступлений предусмотрена подп. «с» п. 3 ст. 85 ДП I³⁵.

К *объектам, необходимым для выживания гражданского населения*, которые запрещается подвергать нападению, относятся: сельскохозяйственные районы (в

объектами нападения, однако с этим примером связан вопрос о защите окружающей среды (Международное право = *Völkerrecht* / Вольфганг Граф Витцтум [и др.]; пер. с нем. М.: Берлин, 2011. С. 975).

³⁴ Так, в июне 1981 г. израильтяне осуществили нападение на два иракских ядерных исследовательских реактора, еще не введенные в строй.

³⁵ Так, Запорожская АЭС (самая крупная АЭС в Европе и одна из десяти мощнейших в мире) перешла под контроль России в марте 2022 г. С сентября 2022 г. ЗАЭС находится под наблюдением мониторинговой миссии МАГАТЭ / IAEA's Support and Assistance Mission to Zaporizhzhya (ISAMZ). URL: <https://www.iaea.org/newscenter/multimedia/videos/iaea-support-and-assistance-mission-to-zaporizhzhya> (дата обращения: 20.06.2023).

Украина заблокировала все инициативы гендиректора МАГАТЭ Р.М. Гросси, направленные на укрепление безопасности ЗАЭС: как проект трехсторонних договоренностей, так и формат двух отдельных двусторонних договоренностей (Россия-МАГАТЭ и Украина-МАГАТЭ). Отвергли украинские власти и предложение о создании на станции *зоны защиты эксплуатационной и физической ядерной безопасности*, что лишило бы возможности шантажировать Россию и Европу ядерной катастрофой. От Украины требовалось и требуется одно – публично пообещать впредь воздерживаться от обстрелов и иных нападений на ЗАЭС. 23 марта 2023 г. МАГАТЭ выступило с заявлением, что создание зоны демилитаризации вокруг ЗАЭС больше не обсуждается по причине «проблем с реализацией процесса», включая невозможность контроля зоны из-за активных военных действий в непосредственной близости от станции, а также того факта, что создание демилитаризованной зоны может быть истолковано как легитимизация присутствия российских войск на ЗАЭС. В соответствии со ст. 2 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г., действия ВС Украины, связанные с обстрелами ЗАЭС, следует расценивать как преступление «ядерный терроризм». В ночь на 6 июня 2023 г. в результате ударов ВС Украины из РСЗО «Ольха» по Каховской гидроэлектростанции (ГЭС) произошло разрушение задвижек, что привело к неконтролируемому сбросу воды, число погибших составило более 40 человек. ЗАЭС использует воду из Каховского водохранилища для охлаждения реакторов, уровень воды в водохранилище упал с 17 до 11,27 м.

³² ОМПГ, норма 42. Так, в Бельгии сражение на Изере в конце октября 1914 г. было выиграно у немецких вооруженных сил благодаря, в частности, открытию шлюзов в Ньюпорте и затоплению поля боя (*Pirenne H. Histoire de Belgique. Le Renaissance du Livre, 1975. T. 5. P. 214 – 215*).

³³ Некоторые исследователи полагают, что установки и сооружения для добычи нефти и нефтепродуктов могут быть

том числе собранный урожай), продовольствие, скот, запасы питьевой воды и др. (ст. 54 ДП I)³⁶. Более того, Совет Безопасности ООН, принимая экономические санкции против воюющих сторон в кувейтском и югославском конфликтах, всегда заботился, чтобы эти санкции не распространялись на помощь продовольствием и медикаментами, которая оказывалась гражданскому населению, затронутому конфликтом³⁷. Однако государство на своей собственной территории, которую оно контролирует, вправе проводить политику «выжженной земли», при этом не причиняя обширного, долговременного и серьезного ущерба природной среде. Квалификация умышленных нападений на объекты, необходимые для выживания гражданского населения, как военных преступлений, предусмотрена пп. 1 – 2 ст. 54 ДП I, подп. «b» (xxv) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС.

Запрет *причинять значительный ущерб окружающей среде, влекущий ущерб здоровью или выживанию населения*, действует как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов (п. 3 ст. 35, ст. 55 ДП I)³⁸. Критерии ущерба носят оценочный характер: обширный³⁹, долговременный⁴⁰

и серьезный⁴¹. Квалификация причинения значительного ущерба окружающей среде как военного преступления предусмотрена подп. «b» п. 3 ст. 85 ДП I и подп. «b» (iv) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС.

Запрет нападать на *культурные ценности* распространяется только на те, которые представляют художественный, исторический или археологический интерес либо составляют культурное наследие народов (ст. 53 ДП I, ст.ст. 4 и 9 Гаагской конвенции 1954 г.)⁴². Эти объекты не должны использоваться для поддержки военных усилий, а если их уничтожение или нейтрализация обеспечивают явное военное преимущество (случаи «неизбежной военной необходимости»), нападение на них не будет незаконным⁴³. Культурные ценности могут быть обозначены отличительным знаком для облегчения их идентификации⁴⁴ – щит,

---

многих десятилетий. В Заключении о законности применения ядерного оружия и угрозы его применения (1996) Международный суд ООН косвенно признал обычный характер применения права природной среды во время вооруженных конфликтов.

⁴¹ Такой ущерб причиняется здоровью и выживанию населения.

⁴² В 2016 г. МККК провел опрос у 17 000 респондентов из 16 стран, который показал следующее: 72 % опрошенных полагают, что нельзя нападать на религиозные и исторические памятники с целью ослабить противника, а в странах, пострадавших от вооруженных конфликтов, такой точки зрения придерживается 84 %. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/zashchita-kulturnyh-cennostey-voprosy-i-otvety> (дата обращения: 20.06.2023).

⁴³ ОМГП, норма 39. Вместе с тем, в случае нарушения требований п. «b» ст. 53 ДП I в соответствии со ст. 11 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. (далее по тексту – ГК (КЦ) иммунитет с указанных объектов охраны может быть снят в исключительных случаях неизбежной военной необходимости. Последняя может констатироваться воинскими начальниками, начиная только от командира дивизии или части, соответствующей дивизии, и выше. Во всех случаях, когда обстоятельства это позволяют, решение о снятии иммунитета уведомляется достаточно заблаговременно противной Стороне. Сторона, которая снимает иммунитет, должна об этом информировать, по возможности в кратчайший срок, письменно и с указанием причин, Генерального комиссара по культурным ценностям (ст. 11 ГК (КЦ)).

⁴⁴ В соответствии со ст. 6 ГК (КЦ) культурные ценности, чтобы облегчить их идентификацию, могут быть обозначены отличительным знаком в соответствии с положениями ст.ст. 16 – 17 и ст. 20 Исполнительного регламента Конвенции.

³⁶ Важно уточнить, что на такие объекты распространяется запрет не только нападения, но и их вывоза или вывода из строя, а также недопущения их использования гражданским населением или принуждения населения к выезду.

³⁷ Давид Э. Указ. соч. С. 223.

³⁸ ОМГП, нормы 43 – 45. См. также: Конвенция ООН «О запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» от 10 октября 1976 г. Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море, содержит рекомендацию (п. 11) сторонам в конфликте прийти к согласию о том, что военные действия не будут проводиться в морских районах, где: а) имеются редкие или уязвимые экосистемы или б) естественная среда видов рыб или иных форм морских организмов, запасы которых истощены, подвергаются угрозе или опасности.

³⁹ Такой ущерб должен быть причинен площади в несколько сот квадратных километров.

⁴⁰ Долгосрочный ущерб может длиться один сезон или период в несколько месяцев, а долговременный – более 10 лет. Так, минные поля могут оставаться опасными в течение

заостренный снизу, разделенный на четыре части синего и белого цвета (однократно либо троекратно в виде треугольника, когда один знак внизу – соответственно общая или специальная защита)⁴⁵. Определенную конкуренцию указанному отличительному знаку создает эмблема всемирного наследия ЮНЕСКО⁴⁶. Необходимо провести большую работу по маркировке 16 российских объектов культурного наследия⁴⁷, поскольку далеко не все они должным образом обозначены (нам удалось обнаружить такую эмблему на Историко-архитектурном комплексе Казанского кремля).

⁴⁵ Следует указать на поднятую в 1999 г. Боснией и Герцеговиной проблему обозначения разрушенных культурных ценностей отличительным знаком. В литературе отмечалось нежелание государств – участников Конвенции обозначать культурные ценности из опасения, что таким образом они снабдят потенциального противника «списком целей» (*Хладик Ян*. Обозначение культурных ценностей отличительным знаком, предусмотренным Гаагской конвенцией 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // *Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта*. С. 81 – 90.

⁴⁶ URL: <https://whc.unesco.org/en/embblem/> (дата обращения: 20.06.2023).

Эмблема всемирного наследия придумана художником Мишелем Олиффом (*Michel Olyff*) и утверждена на 2-й сессии Комитета всемирного наследия (Вашингтон, 1978 г.). Она представляет собой две неразрывно соединенные части: круг, обозначающий природу, и вписанный в него квадрат – символ творения человека. Кроме того, согласно концепции автора круглая форма эмблемы повторяет форму земного шара, одновременно обозначая охрану. Эмблема является символом Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., выражает приверженность государств – сторон Конвенции ее принципам и служит для обозначения объектов, включенных в Список всемирного наследия. Чтобы предотвратить несанкционированное использование эмблемы, Комитет всемирного наследия принял «Основные правила и принципы использования эмблемы всемирного наследия», согласно которым она может использоваться только в целях, получивших одобрение Комитета всемирного наследия. Объекты, включенные в Список всемирного наследия, должны быть отмечены эмблемой вместе с логотипом ЮНЕСКО. С этой целью должны устанавливаться *информационные таблички*, извещающие население данного государства и иностранных гостей о том, что объект имеет особое значение, признанное международным сообществом, что он уникален и представляет интерес не только для страны, на территории которой расположен, но и для всего мира.

⁴⁷ Всего в Список всемирного наследия ЮНЕСКО внесен 31 российский объект, включая природные, в том числе Древний город Херсонес Таврический и его хору на территории Крымского полуострова (ЮНЕСКО отмечает его украинскую принадлежность).

Аналогичная правовая защита предоставляется местам отправления культа, которые отнесены к духовному наследию народов (ст. 53 ДП I), однако их обозначение отличительными знаками не предусмотрено. Возможная отмена защитного статуса (лишение иммунитета) и механизм такой отмены предусмотрены ст. 11 ГК (КЦ). Квалификация умышленных нападений на культурные ценности и места отправления культа как военных преступлений предусмотрена подп. «д» п. 4 ст. 85 ДП I, подп. «б» (ix) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС.

Полагаем уместным указать на предпринимаемые попытки доктринального обоснования широкого подхода, в соответствии с которым якобы сформировалось «международное право культурных ценностей» как специальный (автономный) режим⁴⁸. Не разделяя подобных взглядов, следует признать существование межотраслевого института международно-правовой охраны культурных ценностей⁴⁹, а также отметить, что охрана культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфлик-

⁴⁸ *Самсонова А.М.* Международное право культуры. URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/mezhdunarodnoe_pravo/mezhdunarodnoe_pravo_kultury/ (дата обращения: 20.06.2023).

М.М. Богуславский предлагал соответствующие нормы международного права дифференцировать на четыре группы в соответствии с их целевым предназначением, направленные на следующее: 1) предотвращение разрушения и повреждения культурных ценностей в мирное время; 2) предотвращение потери, утраты национального культурного достояния и обеспечение возвращения народам принадлежащих им ценностей в случае их утраты; 3) возвращение культурных ценностей законным собственникам, которых они лишились вследствие военных действий; 4) предотвращение разрушения и уничтожения памятников культуры во время военных действий (*Богуславский М.М.* Международная охрана культурных ценностей. М., 1979. Заключение).

⁴⁹ Указанный институт действительно носит межотраслевой характер и находится на отраслевом «стыке» четырех автономных правовых режимов: «права прав человека», «международного экономического права», «международного уголовного права» и МГП. Он является сложным комплексным образованием, что проявляется в наличии четырех субинститутов, отражающих определенную специфику видовых отношений и имеющих различную отраслевую «прописку».

та представляет собой отраслевой институт МГП, характеризующийся наличием специальных принципов⁵⁰ и установленной сферы применения (*ratione materiae* и *ratione temporis*). Для целей МГП нами предложена новая дефиниция – «культурные ценности», под которыми следует понимать подлежащие идентификации и не имеющие военного предназначения движимые и недвижимые предметы материального мира (объекты), имеющие принципиальную значимость для культурного наследия не только отдельно взятого народа, но и всего международного сообщества, внесенные в соответствующий реестр/список и находящиеся под общей, специальной или усиленной международно-правовой охраной, включая места их хранения либо центры сосредоточения.

В силу специфики и особенностей международно-правовой регламентации охраны культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфликта обеспечивает «система Гагской конвенции 1954 г.». Под указанной системой следует понимать совокупность взаимосвязанных международно-правовых актов, образующих инструментарий регламентации охраны культурных ценностей во временном интервале, характеризующемся как «период вооруженного конфликта». Введение в

научный оборот предложенного понятия позволит как достаточно четко обозначить принадлежность рассматриваемого института к МГП, так и дифференцировать его от иных проявлений охраны в рамках общего межотраслевого института международно-правовой охраны культурных ценностей, рассчитанных на мирное время. Центральную часть указанной системы образуют собственно Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.⁵¹, включая Исполнительный регламент как ее составную часть, и дополнительные протоколы к ней (Факультативный протокол I и Второй протокол 1999 г.), а также три резолюции, приложенные к Заключительному акту Конференции 1954 г. Подчеркнуто, что Второй протокол 1999 г. (Россия не ратифицировала⁵²) предусмотрел создание институциональных структур, призванных дополнить систему имплементации Гагской конвенции 1954 г.

На основе анализа «системы Гагской конвенции 1954 г.» следует констатация факта установления трех конвенционных режимов охраны культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфликта (общего⁵³, специаль-

⁵⁰ К специальным принципам, на которых основывается охрана культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфликта, относятся следующие: 1) культурные ценности подлежат идентификации и не имеют военного предназначения (т. е. обладать нейтральным статусом); 2) нейтральный статус, охрана и уважение к культурным ценностям обеспечиваются на всей территории, которая находится под юрисдикцией каждого государства; 3) для охраны культурных ценностей государства обязаны принять все возможные национальные и международные меры, включающие организацию превентивной «реестровой» охраны; 4) использование культурных ценностей в военных целях влечет утрату ими предусмотренных привилегий лишь в исключительных случаях, определяемых как неизбежная военная необходимость; 5) ущерб, наносимый культурным ценностям даже одного народа, рассматривается как ущерб для культурного наследия для всего человечества и влечет ответственность.

⁵¹ Детализированному анализу Гагской конвенции 1954 г. посвящена книга Джири Томана «Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», изданная в 2005 г. на русском языке.

⁵² По мнению профессора А.Х. Абашидзе, было бы целесообразным, чтобы Россия присоединилась к ДП II ГК (КЦ), поскольку такое присоединение не будет порождать каких-либо осложнений в части приведения в соответствие национального законодательства положениям ДП II ГК (КЦ). Что касается других соображений, то их можно легко разрешить, применяя право на оговорки в процессе присоединения (Абашидзе А.Х. Индивидуальная уголовная ответственность в случае нарушения международно-правовых норм, касающихся защиты культурных ценностей // Юрист-международник. 2006. № 1. С. 26 – 33).

⁵³ Общий режим охраны основан на положениях ст.ст. 2 – 4 ГК (КЦ) и включает элементы собственно «охраны» и «уважения» культурных ценностей, протекающие из концепции «культурного национализма». См. подробнее: *Dettling K.J. Eternal silence: the destruction of cultural property in Yugoslavia* // *Maryland Journal of International Law and Trade*. 1993. Vol.

ного⁵⁴ и усиленного⁵⁵), несмотря на существующую разноплановость доктринальных подходов⁵⁶.

Нами отвергаются попытки отдельных исследователей на основе произвольной интерпретации ст. 31 Второго протокола 1999 г. обосновать концепцию «обязанности интервенции», развивающую негодные практики вооруженных вторжений по гуманитарным мотивам⁵⁷, основанные на порочном тезисе о допустимости некоего «культурного вмешательства»⁵⁸ в случае серьезных нарушений международно-правовых обязательств государств в отношении культурных ценностей.

Иллюстративным материалом правоприменительной практики в отношении посягательств на культурные ценности может служить ряд дел, рассмотренных международными судебными учреждениями. Так, одним из первых стал приговор Нюрнбергского трибунала в отношении одного

из главных идеологов нацизма Альфреда Розенберга (нем. *Alfred Rosenberg*)⁵⁹. Судебная камера Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ)⁶⁰ в 2003 г. вынесла приговор *Миодрагу Йокичу* (в другом переводе – *Джокичу*)⁶¹, *Павле Стругару*, *Милану Зецу* и *Владимиру Ковачевичу* за нарушение правил ведения войны и нападение на наследие ЮНЕСКО в Старом городе Дубровника⁶². Не менее показательным является решение Международного уголовного суда от 27 сентября 2016 г., вынесенное по делу «Прокурор против Ахмад Аль Факи Аль-Махди»⁶³, в соответствии с которым Аль-Махди был осужден за нападение

17. № 1. P. 42 – 75; *Forbes S.O.* Securing the Future of our past: current efforts to protect cultural property // *The Transnational Lawyer*. 1996. Vol. 1. P. 242 – 243.

⁵⁴ *Специальный режим* охраны основан на положениях ст. 8 ГК (КЦ). Специальной охране подлежат объекты, предназначенные для сохранения движимых культурных ценностей, центров сосредоточения культурных ценностей и других недвижимых культурных ценностей, имеющих важное значение. Речь идет о музеях, исторических усадьбах, архитектурных ансамблях. Такие места являются сосредоточением исторического наследия, представляющего ценность для разных народов мира.

⁵⁵ Режим усиленной охраны установлен ст.ст. 10 и 11 ДП II ГК (КЦ) для тех культурных ценностей, которые представляют огромное значение для всего человечества, и фокусирует основные положения сформулированной А. Айрайе весьма не бесспорной концепции «культурного интернационализма» (*Yüye A. Cultural Internationalism and world order*. Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1997. XIV. 212 p.).

⁵⁶ Так, в исследованиях были высказаны сомнения в необходимости сохранения специальной защиты, поскольку Второй протокол ввел режим усиленной защиты (*Богуславский М.М.* Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: моногр. М., 2012. С. 205).

⁵⁷ *Humanitarian intervention* / ed. by Nardin T., Williams M.S. N.Y.; L.: New York univ. press, 2006. XII. 308 p.

⁵⁸ *Маинетти В.* Новые перспективы для защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: вступление в силу Второго протокола к Гаагской конвенции 1954 г. // *Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта*. С. 33 – 66.

⁵⁹ В приговоре указывалось, что, действуя по приказу Гитлера 1940 г. о создании «Хоз Шуле», Розенберг организовал «Эйнзатцштаб Розенберга» и руководил им; этот штаб грабил музеи и библиотеки, конфисковал произведения искусства и коллекции, грабил частные дома. Его собственные отчеты отражают размеры произведенных конфискаций. По мероприятию «М» (мебель), проведенному в декабре 1941 г. по предложению Розенберга, было разграблено на Западе 69 619 еврейских домов, из которых 38 000 было разграблено лишь в одном Париже. Потребовалось 26 984 железнодорожных вагонов для того, чтобы перевезти в Германию конфискованную мебель. Начиная с 14 июля 1941 г. «Эйнзатцштабом» на Востоке было захвачено более 21 903 предметов искусства, включавших знаменитые картины и музейные редкости (Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006. С. 203; *International Military Tribunal. Judgment of the International Military Tribunal for the Trial of German Major War Criminals with the Dissenting Opinion of the Soviet member*. London: His Majesty's Statutory Office, 1946. P. 95. URL: https://www.loc.gov/rfd/Military_Law/NT_major-war-criminals.html (дата обращения: 20.06.2023).

⁶⁰ URL: <https://www.icty.org/> (дата обращения: 20.06.2023). Юрисдикция Трибунала в соответствии со ст. 3 (d) Устава МТБЮ распространялась на преступления, представляющие собой «захват, разрушение или умышленное повреждение культовых, благотворительных, художественных и научных учреждений, исторических памятников и художественных и научных произведений». Устав МТБЮ, а также решения по рассмотренным им делам и другие соответствующие документы находятся по адресу: URL: <http://www.un.org/icty/index/html>.

⁶¹ Отметим, что Йокич признал себя виновным по всем пунктам обвинения на втором слушании и выразил свои сожаления по поводу предпринятых действий. С учетом чистосердечного признания суд приговорил его к семи годам лишения свободы.

⁶² URL: https://www.icty.org/x/cases/miodrag_jokic/ind/en/jokic_010222_indictment_eng.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

⁶³ URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/102691-delo-makhdi-napadenie-kulturnye-cennosti-mezhdunarodnoe-prestuplenie> (дата обращения: 20.06.2023).

на культурные ценности как совершенное военное преступление⁶⁴. Определенный научный интерес может представлять правозащитный подход, изложенный в итоговой записке для Суда⁶⁵. Вместе с тем, важно указать, что межгосударственные споры в отношении культурных ценностей могут решаться в Международном суде ООН⁶⁶ и Постоянной палате третейского суда⁶⁷.

Итогом беспристрастного анализа действующей триады режимов охраны культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфликта является вывод о том, что установление правовых рамок представляет собой важнейший, но все же не самодостаточный элемент для обеспечения эффективной охраны⁶⁸. Для этого потребуются актуализировать правоприменительную практику, предложить но-

вые прогрессивные форматы межгосударственного взаимодействия и имплементации, чтобы этот отраслевой институт МГП как часть «системы Гаагской конвенции 1954 г.» получил как можно более широкое признание и востребованность в находящейся еще в процессе своей концептуализации современной системе международных отношений.

Ко второй группе относятся территориальные объекты, создаваемые вне района боевых действий, получающие охрану посредством одностороннего уведомления противника другой стороной вооруженного конфликта. Совокупности правовых норм, регулирующие их охрану, образуют соответствующие международно-правовые субинституты.

Лагеря для военнопленных должны размещаться на суше, за исключением случаев, когда существуют иные, более благоприятные условия временного размещения (ст. 22 ЖК III)⁶⁹. Они не могут быть размещены в районах, подвергающихся опасности из зоны боевых действий⁷⁰. Удерживающая в плену держава должна предоставить всем заинтересованным сторонам (воюющим, а при необходимости и нейтральным) при посредничестве державы-покровительницы сведения, относящиеся к географическому положению лагерей для военнопленных (ст. 23 ЖК III)⁷¹. Когда позволяют соображения военного характера, лагеря военнопленных обозначаются буквами «PG» («*prisonnier de*

⁶⁴ Аль-Махди обвинялся в совершении военного преступления в виде нападения (нанесения удара) на 10 зданий исторического и религиозного характера, в частности гробниц и мечетей в городе Тимбукту (Мали) с 30 июня до 11 июля 2012 г.

⁶⁵ URL: www.icc-cpi.int/RelatedRecords/CR2017_05022.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

⁶⁶ Как отмечал М.М. Богуславский, «обращение в МС ООН за разрешением споров о культурных ценностях не получило широкого применения» (*Богуславский М.М. Культурные ценности в Международном обороте: правовые аспекты*. С. 406). На сегодняшний день в практике Суда имеется лишь одно дело – «Лихтенштейн против ФРГ» (решение от 10 февраля 2005 г.). Предметом иска являлся спор о правомерности декретов о национализации, принятых в Чехословакии после Второй мировой войны в отношении культурных ценностей. По этому делу суд постановил, что у него отсутствует юрисдикция в отношении спора (URL: legal.un.org/iccjs/summaries/documents/russian/st_leg_serf1_add3.pdf) (дата обращения: 20.06.2023).

⁶⁷ Самый известный спором, разрешенном при содействии Постоянной палаты третейского суда является дело о стеле Матара [Daily, 2005, p. 465 – 474]. Дело решалось в рамках смешанной комиссии по спорам между Эритреей и Эфиопией (*The State of Eritrea v. The Federal Democratic Republic of Ethiopia*). Эритрея подала иск против Эфиопии относительно намеренного разрушения эфиопскими вооруженными силами обелиска в Матаре, который являлся значимым и ценным объектом для Эритреи. В результате взрыва обелиск был расколот на мелкие части и не подлежал восстановлению. Эритрея требовала денежной компенсации за причиненный ущерб, а также официальных извинений со стороны правительства Эфиопии. В результате проведенного разбирательства был сделан вывод о том, что разрушение обелиска являлось грубым нарушением норм международного гуманитарного права. Эфиопия возместила ущерб (URL: <https://peacemaker.un.org/eritreaethiopia-agreement2000>) (дата обращения: 20.06.2023).

⁶⁸ ОМГП, норма 40.

⁶⁹ Например, для военнопленных лагерь на отапливаемом судне лучше, чем палатки на открытой местности в необычно холодном климате.

⁷⁰ Соответственно если возникает такая опасность, сам лагерь или, по меньшей мере, военнопленные должны быть эвакуированы в другой район (ст. 23 ЖК III).

⁷¹ Лагеря для военнопленных необходимо оборудовать убежищами на случай воздушных бомбардировок и других опасностей войны так же, как это предусмотрено для защиты местного гражданского населения (ст. 23 ЖК III). Лагеря могут быть обнесены оградой и находиться под охраной (ст. 21 ЖК III).

guerre) – фр.; «*prisonere de guerra*» – исп.) и «*PW*» («*prisoner of war*» – англ. – «военнопленный»), размещенными так, чтобы в светлое время суток они были ясно видны с воздуха. Заинтересованные стороны могут договориться о применении иных средств обозначения⁷². Специальная квалификация умышленных нападений как военных преступлений на *лагеря для военнопленных* со стороны государства, которому принадлежат военнопленные, отсутствует⁷³.

Места интернирования/принудительного поселения покровительствуемых лиц располагаются в специально отведенной для этих целей местности, которую запрещается покидать. Такие места изоляции не должны располагаться в районах, особо подвергающихся военной опасности (ст. 83 ЖК IV). Интернированию могут быть подвергнуты три категории лиц: 1) гражданские лица, оказавшиеся во время войны на территории воюющего государства-противника или на оккупированной этим государством территории⁷⁴; 2) военнотруж-

ающие, оказавшиеся на территории государства-противника в период временного прекращения военных действий⁷⁵; 3) военнотружущие любого воюющего государства, находящиеся на территории нейтрального государства во время войны⁷⁶. О географическом положении мест интернирования сообщают неприятельским державам при посредстве держав-покровительниц. Лагеря для интернированных должны быть обозначены буквами «*IC*» (*internes civils* – интернированные гражданские лица), расположенными таким образом, чтобы они были днем отчетливо видны с воздуха⁷⁷ (заинтересованные державы могут договориться о другом способе обозначения). В случае если территория, на которой находятся интернированные, подвергается воздушным налетам или иным опасностям войны, государство обязано принимать для защиты интернированных все меры, которые принимаются на данной территории для защиты собственного гражданского населения (постройка убежищ, использование системы оповещения и др.). Специальная квалификация умышленных нападений на *места интернирования/принудительного поселения покровительствуемых лиц* как военных преступлений отсутствует.

К третьей группе относятся исключаемые из театра военных действий части государственной территории каждого из воюющих государств в целях расположения там *специальных зон* (местностей, районов) как мест укрытия жертв вооруженных кон-

⁷² Как отмечает Э. Давид, обязанность обозначения лагерей для военнопленных и интернированных должна выполняться, когда это позволяют соображения военного порядка, и это правило должно «...толковаться... ограничительно», поскольку может нанести ущерб безопасности военнопленных и интернированных гражданских лиц. Так, без обозначения можно и обойтись, если лагерь не расположен в районе, подверженном опасностям, связанным с военными действиями, или же в случае, если держава, держащая в плену, опасается, что противная сторона может сбросить на парашютах оружие и военное снаряжение с целью вызвать мятеж в лагере. Но и в этом случае нужно, чтобы данное оповещение было не беспредметным, а опиралось на прецедент, имевший место в ходе конфликта (Давид Э. Указ. соч. С. 307 – 308).

⁷³ Так, Вооруженными силами Украины (ВСУ) в ночь на 29 июля 2022 г. с помощью американских реактивных систем залпового огня (РСЗО) *HIMARS* был нанесен удар по следственному изолятору в п. Еленовка Донецкой Народной Республики (ДНР), где содержались украинские военнопленные, в том числе бойцы батальона «Азов», вышедшие с территории предприятия «Азовсталь» в Мариуполе. Провокация была совершена с целью уничтожить тех военнопленных, которые начали давать показания, а также запугать украинских военнотружущих и предотвратить в дальнейшем их сдачу в плен.

⁷⁴ Интернирование гражданских лиц на территории, оккупированной страной-противником, имеет целью обеспечение безопасности оккупационных войск от враждебных действий потенциально опасных лиц.

⁷⁵ В этом случае интернирование имеет целью недопущение участия этих лиц в вооруженной борьбе против данного государства (которое возможно в случае возвращения этих лиц в свою страну).

⁷⁶ В этом случае интернирование имеет целью сохранение режима нейтралитета данной страны (так как иное может рассматриваться другой стороной как участие в войне на стороне противника, т. е. нарушение нейтралитета).

⁷⁷ Никакое другое место, кроме лагеря для интернированных, не может быть обозначено таким образом.

фликтов от нападения. Они должны соответствовать всем признакам гражданских объектов и образуют *международно-правовые субинституты специальных зон (местностей, районов)*, создаваемых в районе боевых действий и получающих охрану *по специальным соглашениям* между сторонами вооруженного конфликта⁷⁸, а их востребованность находится в прямой зависимости от государственного-волевого компонента⁷⁹.

Нейтрализованные зоны (территории) (ст. 15 ЖК IV) могут создаваться в районе боевых действий для того, чтобы оградить от последствий вооруженного конфликта раненых, больных и гражданских лиц, не принимающих участия в боях и не занимающихся деятельностью военного характера в течение срока пребывания в этой зоне⁸⁰. Находящиеся в конфликте стороны должны заключить соглашение о местоположении, руководстве, снабжении и контроле нейтральной зоны с установлением нача-

⁷⁸ Такого рода специальные соглашения часто заключаются благодаря инициативе и под эгидой МККК и часто им подготавливаются (*Пфаннер Т.* Имплементация международного гуманитарного права и предоставление защиты и помощи жертвам войны: различные механизмы и подходы // *Международ. журн. Крас. Креста. Дискуссия по гуманитарным вопросам: право, политика, деятельность. Гуманитарные вызовы современности. Избранные статьи из номеров 874 – 889.* С. 111.

⁷⁹ Аналогичные положения, которые относились бы к международным вооруженным конфликтам, отсутствуют, однако ничто не мешает сторонам в таких конфликтах заключать соглашения соответствующего содержания. Так, в ст. 3, общей для всех Женевских конвенций, указано, что стороны могут заключать специальные соглашения с тем, чтобы ввести в действие другие положения Конвенций (*Джиллард Э.-К.* «Безопасные районы»: международно-правовая база // *Международ. журн. Крас. Креста. Выдержка из International Review of the Red Cross.* Т. 99. № 906. «Conflict in Syria». С. 11 – 12.

⁸⁰ Такие зоны создавались еще до принятия Женевских конвенций 1949 г.: в 1936 г. во время войны в Испании в одном из кварталов Мадрида; в 1937 г. во время японо-китайского конфликта в Шанхае; в 1948 г. во время конфликта в Палестине (в Иерусалиме). После принятия конвенций практиковалось создание таких зон во время конфликта на Фолклендских (Мальвинских) островах (апрель-июнь 1982 г.) в Порт-Стенли. Стороны конфликта также создали такую зону к северу от архипелага по инициативе Великобритании путем неформального соглашения. В этой зоне радиусом до 10 миль, называвшейся «сектор Красного Креста», должны были находиться госпитальные суда, не создавая своим присутствием помех для ведения военных действий (*Давид Э.* Указ. соч. С. 213 – 214).

ла и продолжительности ее нейтрализации. Специальная квалификация умышленных нападений на нейтрализованные зоны как военных преступлений отсутствует.

Санитарные зоны и местности (ст. 23 ЖК I) могут располагаться на территории находящегося в вооруженном конфликте государства или на оккупированной территории, создаются на основе соглашения сторон конфликта об их признании с целью оградить от действий войны раненых и больных, а также персонал, который отвечает за организацию и управление этими зонами и уход за лицами, которые там будут сконцентрированы⁸¹. В приложении I к ЖК I содержится текст проекта соглашения о создании и защите санитарных зон и местностей. Такие *зоны* должны обозначаться эмблемами Красного Креста (Красного Полумесяца или Красного Льва и Солнца) на белом поле, помещенными по периметру зоны и на строениях⁸². Защитный статус зоны может быть утрачен, если назначенная сторонами специальная комиссия констатирует факты, противоречащие условиям соглашения, и в течение пяти дней сторона – нарушитель соглашения не устранит нарушений, а другая сторона заявит, что она больше не связана соглашением (ст. 9 Проекта соглашения, приложение I к ЖК I). Квалификация умышленных нападений на места сосредоточения больных и раненых как военных преступлений установлена подп. «б» (ix) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС.

⁸¹ ОМПГ, норма 35. Государства-покровительницы и МККК могут быть приглашены для оказания добрых услуг для облегчения создания и признания таких зон и местностей (ст. 23 ЖК I, ст. 14 ЖК IV). Так, во время конфликта между Хорватией и Бывшей Югославией 27 декабря 1991 г. под эгидой МККК стороны заключили соглашение, в соответствии с которым больница в г. Осиеке и ее территория были объявлены санитарной зоной (*Давид Э.* Указ. соч. С. 214).

⁸² Статья 6 Проекта соглашения, прилагающегося к Женевской конвенции I, ч. 2 ст. 6 Проекта соглашения, прилагающегося к Женевской конвенции IV.

Санитарные и безопасные зоны и местности (ст. 14 ЖК IV) на территории находящегося в вооруженном конфликте государства или на оккупированной территории могут создаваться на основе соглашения сторон конфликта об их признании и организовываться таким образом, чтобы оградить от действий войны раненых и больных, инвалидов, престарелых, детей до 15-летнего возраста, беременных женщин и матерей с детьми до 7-летнего возраста, а также персонал, на который возложены организация и управление этими зонами⁸³. В приложении I к ЖК IV содержится текст проекта соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях. Такие зоны должны обозначаться специальными знаками – белый квадрат с красной полосой по диагонали, – помещенными на периферии этих местностей на строениях, а зоны, предназначенные исключительно для раненых и больных, будут, кроме того, обозначаться красным крестом (красным полумесяцем, красными львом и солнцем) на белом поле⁸⁴. Защитный статус зоны может быть утрачен аналогично предусмотренному для санитарных зон и местностей (ст. 9 Проекта соглашения, приложение I к ЖК IV). Специальная квалификация умышленных нападений на санитарные и безопасные зоны и местности как военных преступлений отсутствует.

Осажденные или окруженные зоны (ст. 17 ЖК IV) могут создаваться на основе соглашения между воюющими сторонами для эвакуации раненых и больных, инвалидов, престарелых, детей и рожениц и о пропуске в эту зону служителей культа, санитарного персонала и санитарного иму-

щества. Их защитный статус утрачивается с прекращением действия соглашения.

Необороняемые местности (ст. 59 ДП I) представляют собой любые населенные пункты, находящиеся в зоне соприкосновения вооруженных сил или вблизи нее, которые открыты для оккупации их противной стороной во избежание военных действий и разрушения, причинения вреда гражданскому населению и объектам⁸⁵. Такая местность характеризуется следующим: односторонний характер заявления о ее образовании с точным определением и описанием пределов такой местности (т. е. соглашение носит консенсуальный характер⁸⁶); временный характер статуса, который она утрачивает с ее оккупацией⁸⁷; могут быть предусмотрены методы контроля; может обозначаться знаками, согласованными сторонами⁸⁸.

Демилитаризованные зоны (ст. 60 ДП I) могут создаваться по соглашению воюющих сторон (как в мирное время, так и после начала военных действий), заключенному ими непосредственно либо через посредство державы-покровительницы или беспристрастной гуманитарной организации, и представляющему собой взаимные и согласующиеся заявления о статусе такой зоны, ее пределах и контроле⁸⁹. Цель состоит в

⁸⁵ ОМГП, норма 37.

⁸⁶ В случае несоблюдения условий, указанных в п. 2 ст. 59 ДП I, сторона, делающая заявление, должна быть уведомлена о том, что другая сторона не будет относиться к местности как необороняемой.

⁸⁷ Необороняемая местность должна отвечать следующим условиям: все комбатанты, а также мобильные боевые средства и мобильное военное снаряжение должны быть эвакуированы; стационарные военные установки или сооружения не должны использоваться во враждебных целях; ни власти, ни население не должны совершать враждебные действия; не должны предприниматься никакие действия в поддержку военных операций.

⁸⁸ В п. 5 ст. 59 ДП I указано, что стороны в конфликте могут согласиться на объявление местностей необороняемыми, даже если они не отвечают предъявляемым требованиям.

⁸⁹ Здесь понятие демилитаризованной зоны не имеет ничего общего со статусом демилитаризации, договорно установленным для некоторых территорий или сред (внеатмосферного пространства, морского дна и др.).

⁸³ ОМГП, норма 35. О возможности создании зон безопасности в условиях внутригосударственных вооруженных конфликтов подробнее см.: Пфаннер Т. Указ. соч. С. 111 – 112.

⁸⁴ Часть I ст. 6 Проекта соглашения, прилагающегося к Женевской конвенции IV.

том, чтобы вывести такие зоны из театра военных действий⁹⁰. Также отметим, что демилитаризованные зоны могут создаваться во внедоговорном порядке, в частности ООН⁹¹ или региональными организациями безопасности либо собственно миротворческими структурами в целях выполнения их мандата⁹². Демилитаризованная зона, в отличие от иных, в принципе открыта для любого некомбатанта. Такая зона характеризуется следующим: ясно выраженное соглашение о ее создании (устное либо письменное); постоянный характер статуса, который сохраняется независимо от того, какая воюющая сторона ее контролирует. Демилитаризованная зона должна отвечать следующим требованиям: все комбатанты, мобильные боевые средства и мобильное военное снаряжение должны быть эвакуированы; стационарные военные установки и сооружения не должны использоваться во враждебных целях; население и местные власти не должны совершать враждебных действий; всякая деятельность, связанная с военными действиями, должна быть прекращена. Такая зона должна быть обозначена ясно видимыми издали и согласованными знаками. Допускается присутствие в этой зоне лиц, пользующихся защитой в соответствии с нормами МГП, а

также полицейских сил, оставленных в целях поддержания законности и порядка. В случае существенного нарушения условий соглашения одной стороной другая освобождается от своих обязательств, а зона утрачивает свой демилитаризованный статус.

Несмотря на то что превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения рассматривается как серьезное нарушение (подп. «d» п. 3 ст. 85 ДП I), противоправность может следовать лишь из действительности заключенного между противоборствующими сторонами соглашения об установлении статуса таких зон⁹³. Нет соглашения – нет нарушения.

В особую четвертую группу могут быть выделены территориальные объекты, создаваемые по решению международных межправительственных организаций или государств-гарантов в районе боевых действий. В частности, таковыми являются *безопасные зоны* (зоны безопасности, безопасные гуманитарные зоны), которые могут создаваться на основе гл. VII Устава ООН по решению Совета Безопасности ООН⁹⁴ без заключения соглашений между воюющими сторонами и находиться под защитой размещенных там миротворческих контингентов ООН⁹⁵. Такие зоны должны отвечать

⁹⁰ ОМГП, норма 36 (*Yves Sandoz, Christophe Swinarski and Bruno Zimmermann* (eds). *Commentary on the Additional Protocols*, ICRC, Geneva, 1987 (ICRC Commentary on APs), para. 2260).

⁹¹ Например, Совет Безопасности ООН создал в Ираке демилитаризованную зону вдоль границы с Кувейтом по согласованию с обеими заинтересованными державами (Резолюция S/RES/687 от 3 апреля 1991 г.) в полном соответствии с нормами МГП.

⁹² Так, в соответствии с п. 6 Положения о Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств (утверждено 19 января 1996 г.) при проведении операции по поддержанию мира на Коллективные силы по поддержанию мира могут возлагаться задачи, связанные с созданием демилитаризованных зон, зон разъединения, гуманитарных коридоров, содействием деконцентрации сил сторон, предотвращением их перемещений и столкновений в этих зонах (URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901124> (дата обращения: 20.06.2023)).

⁹³ Демилитаризованная зона может утратить свой статус в случае существенного нарушения одной из сторон договорных обязательств (п. 7 ст. 60 ДП I).

⁹⁴ Об установлении находящейся под особой защитой зоны, созданной на севере Ирака для защиты курдов (провинции Сулеймания, Эрбиль и Дохук составили, как было принято в то время называть этот район, «Свободный Курдистан») (S/RES/ 688 (1991)); о создании зоны безопасности для городов Сараево, Тузла, Зепа, Бихак, Горажде, Сребренице и их окрестностей (S/RES/ 824 (1993)); о создании зоны безопасности в Сребренице и в прилегающей к ней районах (S/RES/ 819 (1993)); о создании безопасных гуманитарных зон на юго-западе Руанды (городов Сиангугу, Кибью и Жиконгоро), об объявлении аэропорта Кигали как нейтральной зоны, находящейся под контролем МООНП (S/RES/ 918 (1994), S/RES/ 872 (1993)).

⁹⁵ *Karin Landgren*. Safety Zones and International Protection: A Dark Grey Area // *International Journal of Refugee Law*. Vol. 7. No. 3. 1995. P. 442 – 451; *Давуд Э.* Указ. соч. С. 215.

следующим условиям: прекращение любых враждебных действий в отношении этих зон; отвод всех военных частей и полувоенных формирований, нападавших на эти зоны, на расстояние, достаточное для того, чтобы эти части и формирования не представляли больше угрозы для данных зон; свободный доступ в эти зоны сил ООН по охране и гуманитарных организаций; обеспечение безопасности персонала. Вместе с тем, такая практика Совета Безопасности ООН подвергается критике со стороны неправительственных организаций⁹⁶. Новые форматы зон безопасности могут возникать как по нетипичным соглашениям⁹⁷, так и стихийно⁹⁸, а государства-гаранты могут прибегать к созданию особых «зон деэскалации»⁹⁹. Однако мы полагаем,

⁹⁶ Так, в Практическом словаре гуманитарного права, подготовленном НПО «Врачи без границ», указано, что безопасные зоны, созданные ООН (в бывшей Югославии, в Руанде и на севере Ирака) «не отвечали критериям, установленным гуманитарным правом», поскольку «ответственность за защиту гражданского населения остается неясной, а средства ее обеспечения – неадекватными» (URL: <https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/zony-nakhodiashchiesia-pod-osoboizashchitoi-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁹⁷ Так, «наземная зона безопасности» (НЗБ) была создана в соответствии с Военно-техническим соглашением (ВТС) между международным присутствием по безопасности (Силы для Косово) и правительствами СРЮ и Республики Сербии, подписанным в г. Куманово (Македония) 9 июня 1999 г. ВТС определяло порядок вывода из Косово югославских сил безопасности и ввода в край международных миротворческих сил. Для их разделения с внешней стороны административной границы Косово устанавливалась НЗБ шириной 5 км (URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1650667/ (дата обращения: 20.06.2023)). О предпринимаемых попытках создания зоны защиты эксплуатационной и физической ядерной безопасности вокруг ЗАЭС см. выше.

⁹⁸ В Южном Судане после вспышки вооруженных столкновений в конце декабря 2013 г. появилась новая форма безопасных районов – спонтанно возникшие «пункты защиты гражданского населения» (пункты ЗГН), которые образовались, когда гражданские лица, спасавшиеся от насилия, стали искать убежища на территории баз миротворческих сил (МООНЮС) или поблизости от них.

⁹⁹ Так, Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике (г. Астана, 4 мая 2017 г.), подписанный странами – гарантами соблюдения режима прекращения боевых действий (РПБД) – Исламской Республикой Иран, Российской Федерацией и Турецкой Республикой, предусматривал создание четырех зон деэскалации и установление вдоль границ таких зон полос безопасности URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/1546552/ (дата обращения: 20.06.2023). По мнению некоторых исследовате-

что такого рода правовые основания не могут входить в предмет МГП, а получают «прописку» в праве международной безопасности, хотя для достижения конечного результата (эффективной защиты жертв) этот аспект не имеет принципиального значения. Квалификация умышленных нападений на объекты и транспортные средства, задействованные в оказании гуманитарной помощи¹⁰⁰ или в миссии по поддержанию мира¹⁰¹, в соответствии с Уставом ООН как военных преступлений предусмотрена п. 2 ст. 9 ДП I, подп. «b» (iii) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС.

* * *

Таким образом, изложенные выше доктринальные подходы, основанные на задействовании концепции морфологического анализа, позволяют не только получить системное описание, но и дать оценку потенциальной возможности совершенствования механизмов правового регулирования международно-правовой охраны отдельных территориальных объектов в период вооруженных конфликтов.

Комбинаторика как систематическое рассмотрение всех теоретически возможных вариантов, вытекающих из закономерности построения (морфологии) охраняемых объектов, позволила нам установить следующее. Защитный статус от нападений предоставляется семи объектам, рассматриваемым как гражданские, в силу существующих договорных положений МГП. Такой же статус может быть предоставлен: двум объектам, создаваемым вне районов боевых действий и получающим охрану посредством одностороннего уведомления

лей (*Hashem Osserian, Nada Homs, Anne Barnard*), создание этих зон представляет собой «средство управления ходом войны», направленное на ослабление оппозиции (*Джиллард Э.-К.* Указ. соч. С. 2 – 3).

¹⁰⁰ ОМГП, норма 32.

¹⁰¹ ОМГП, норма 33.

противника другой стороной вооруженного конфликта, шести объектам, представляющим собой специальные зоны, местности или районы как места укрытия жертв вооруженных конфликтов от нападений, создаваемым в районе боевых действий и получающим охрану в соответствии со специальными соглашениями между сторонами вооруженного конфликта, а также объектам, создаваемым по решению международных межправительственных организаций или государств-гарантов. Именно в этом находят свое проявление две современные тенденции развития МГП¹⁰².

В соответствии с первой тенденцией охраняемые зоны и безопасные районы должны создаваться по договоренности между воюющими сторонами. Однако скупость проявлений доброй воли воюющих государств ведет к низкой востребованности указанного инструментария.

Вторая тенденция находит проявление в создании «безопасных зон» в соответствии с решением Совета Безопасности ООН либо региональных международных организаций¹⁰³, защищаемых сдерживающими силами миротворцев¹⁰⁴. Однако при решении вопросов об учреждении таких зон (районов, местностей) в обоих случаях определяющими будут два вопроса: демилитаризация и меры контроля. Вместе с тем, следует полагать, что желаемое прогрессивное развитие МГП в части навязывания

государствам принятия обязательств по заключению соглашений об учреждении зон, находящихся под защитой, не имеет перспектив, поскольку в современных политических реалиях это скорее ослабит потенциал международно-правовой охраны, чем укрепит его. Преодоление якобы фрагментарной охраны отдельных объектов в период вооруженных конфликтов связано со строгим соблюдением сторонами своих международно-правовых обязательств и принципов МГП.

Несмотря на криминализацию умышленных нападений на ряд объектов как военных преступлений, в настоящее время не рассматриваются как таковые нападения на лагеря военнопленных, места интернирования покровительствуемых лиц, безопасные зоны, а также зоны и местности, созданные по соглашению сторон (нейтрализованные, санитарные и безопасные, осажденные или окруженные)¹⁰⁵. Хотя потенциально высокая степень опасности их уничтожения или разрушения существует.

Возможность односторонней отмены либо утраты защитного статуса существует для военных и гражданских стационарных и мобильных медицинских объектов, культурных ценностей, а также зон и местностей, созданных по соглашению сторон (осажденных или окруженных, необороняемых и демилитаризованных), однако такие решения должны быть обусловлены критерием военной необходимости.

Необходимо в договорном порядке определить отличительные знаки, которыми могут быть обозначены места отправления культа, а также зоны и местности (безопасные, нейтрализованные, демилитаризован-

---

¹⁰² Доклад Генерального секретаря, представляемый во исполнение Резолюции 53/35 Генеральной Ассамблеи: Падение Сребреницы // UN Doc. A/54/549, 15 ноября 1999 г., п. 499.

¹⁰³ Так, для участия в конкретной миротворческой операции из состава Миротворческих сил ОДКБ создаются Коллективные миротворческие силы (URL: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/msodkb.php> (дата обращения: 20.06.2023)).

¹⁰⁴ При этом важно получить согласие противоборствующих сторон, что тем самым создаст для них обязательства. Вполне ожидаемыми являются проблемы обеспечения режима таких зон/местностей (логистики, доступа, привлечения нарушителей к ответственности и др.).

---

¹⁰⁵ По мнению МККК, нападения на такие зоны запрещены согласно обычному праву (ОМГП, норма 35) (Мельцер Н. Указ. соч. С. 183).

ные, осажденные или окруженные, необороняемые), поскольку в настоящее время такое обозначение не унифицировано и оставлено на усмотрение сторон в вооруженном конфликте. Какое-либо обозначение

объектов, необходимых для выживания гражданского населения и окружающей среды, является практически невозможным, здесь следует руководствоваться здравым смыслом.